

ИСТОРИЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ПАРШУКОВОЙ

Паршукова Елизавета Сергеевна

Родилась в 1919 году в деревне Комарица Свердловской области. Я сама деревенская. Жили хорошо, деревня была зажиточная, трудились. У всех своё хозяйство коровы, свиньи, куры, овцы. Дома крепкие. Все жили дружно. Началась коллективизация, приехали из района ПТОЗ, стали отбирать товар. На общий двор отвели лошадей, *упряжку*. Не оправдалось. Сейчас я бы сказала: невыгодно было. Начали организовывать коммуну. В неё должны были отнести чашки, ложки. Корову, кур, овец оставили. У зажиточного человека отобрали большой новый дом, нам устроили общую столовую. Ходили туда ленивые, те кто не хотели работать, вести своё хозяйство, дома не готовить. Что-то опять не оправдалось. Когда начали раскулачивать, отобрали всё. Как себе что-то оставить? Но народ-то умный. Папа взял большой мешок конопли, отнес на берег реки, выкопал яму, закопал мешок, а зимой то место снегом занесло. Так и сохранилось. Папа отвёз семя на мельницу и обменял на масло. Приехал начальник из района отбирать хлеб. Папа говорит: «Вы уже забрали только что». А начальник: «Давай ещё 50 пудов». А завистливые тут рядом крутятся, ему говорят: «Берите, берите, у него есть ещё, выдержит, вывозите». Папа отвечает: «У меня двое сирот малых, поднимать на ноги надо, жена умерла». А они ему: «Вывезешь». Всё отняли. У бабушки были шуба и валенки. Забрали ее валенки и всех отвезли в Поклёвскую за 100 км на завод. Я была маленькой, но помню. Придут с вилами зимой и проверят не спрятано ли чего, но люди прятали. Отняли иконы, хлеб, мясо. С куры брали 10 яиц, с коров 225 литров молока, с овец — сдай шерсть, хлеба намолотили — отдай. После организовали колхозы. Наш родственник дядя Тима был раскулачен, потом репрессирован, а когда вернулся его назначили председателем. Колхоз стал

богатым. Была конная ферма. Крупный рогатый скот, свиноферма. А хлеба какие красивые. Едешь на лошади, смотришь как ковёр огромный, колос коричневый. Мы, ребяташки, тоже работали за трудодни, нам давали 16 кг хлеба в месяц. Много, много сделали наши предки.

Из деревень не отпускали, а мне надо учиться. Пригласили домой уполномоченного Назара Ефграфовича. На стол поставили чекушку, на тарелку жаркое. Стали угощать. Выпил, наелся досыта и дал справку, что можно меня отпустить на учёбу. Я поехала учиться, закончила в Свердловске фельдшерско-акушерскую школу, стала работать фельдшером. До войны работала в Кушве в Свердловской области в амбулатории. Отработала три года. У меня там была квартира. А у возницы — пожилой человек, он меня развозил к больным, был холодный деревянный домик. Как-то зашла, а он заболел, лежал в одежде. Предложила перебраться ко мне на кухню. Пришел. Он и чайник поставит и приготовить поесть. Заботился как отец. Когда началась война, он меня несколько раз перекрестил и сказал, что ни одна пуля меня не возьмёт, и я вернусь домой. Так и было, несмотря на то, что была под бомбёжкой и обстрелом.

Меня взяли по спецнабору в ВЭО-3 ~ военно-эксплуатационный отдел железной дороги. Перед войной готовили полотно для железной дороги станции Благодатная-Чурсовая. Знали, что будет война, работали каждый день, строили путь. Когда объявили войну, все были в ужасе. На второй день пришла в военкомат. Там ночевала сутки. Я была на спецучёте в железнодорожном бюро. В армию меня не отдали. Нас втроём направили на Северо-Западный фронт на железную дорогу имени Кагановича. Сформировали два эшелона — это было больше двух тысяч человек в целом. Медиков ю человек. Я работала при восстановительном поезде в санитарном вагоне. Нас было 3 женщины и 1 мужчина — зам. начальника Виктор Григорьевич. Жили на колёсах. Устраняли аварии, когда сходили вагоны с рельс, поднимали цистерны, вагоны. На Северо-западном фронте за станцией Гузятино недалеко от Валдая, мы были в мешке — кругом немцы. Охраняли, держали дорогу Москва-Ленинград по снабжению фронта. Немцы бомбили постоянно, как по расписанию, 2-3 раза в день. Наш состав двигался в сумерках. Нам нельзя было ни с кем

общаться. На железной дороге военная дисциплина. Я как фельдшер еще работала в аптеке, готовила капли. Ленинград был в окружении. Были сведения, что работники станций по рациям сообщали немцам когда подходили поезда, сразу появлялись самолёты и бомбили, особенно Бологое-1, Бологое-2, Медведево-1, Медведево-2. Один раз разбомбили 4-х осный вагон, шла хозяйственная часть. Это было 320 человек. Поезд разбомбят: по ту и другую сторону раненые и убитые. Мы восстанавливали пути, оказывали помощь раненым. Было распоряжение: всех местных работников станций снять с должностей начиная от сторожей, телефонистов, телеграфистов, путепроводчиков, стрелочников до начальников станций. У местных были передатчики. Новые работники все были с Урала. Как состав подойдет, мы следом восстанавливать путь. Бомбить стали меньше и то не прицельно. Пленных было много. Их возили через Валдай в закрытых машинах на замке и сверху сетка. Вокзал станции Валдай был разрушен, передовая в пяти километрах. Когда едем на восстановление, то тихий ход, убежишь — пули трансирующие, вокруг зенитки. Катюши стали бить в конце апреля. В этом направлении мы работали ю месяцев. Блокаду Ленинграда прорвали, нас отозвали обратно на Свердловскую железную дорогу.

Елизавета Сергеевна Паршукова.

От автора-составителя:

Одна из участниц войны рассказала о том, как были обнаружены те, кто передавал немцам информацию о прибытии в Бологое наших поездов. Разговорились двое приятелей-школьников. Один сказал другому, что у его папы есть такой аппарат, через который он может говорить со всем миром. Его приятель спросил у своего отца: есть ли у него такой же аппарат? Тот оставался работать на станции по броне и сразу догадался о чем идет речь и сообщил куда надо. После чего и произошла замена всех работников станций.